

© Саргсян А.З.¹

Фламандские правые и проблема адаптации франкофонных мигрантов во Фландрии

Аннотация. Административно-территориальное устройство современной Бельгии сформировалось во многом под воздействием лингвистического фактора, ярко выраженного в конфликте между франкоговорящей Валлонией и фламандоговорящей Фландр暹. Противоборство этих двух регионов оставило глубокий отпечаток в политической структуре и федеральной системе страны. Проблемы, связанные с миграцией, наложились на существующие лингвоэтнические противоречия между Фландр暹 и Валлонией. Некоторая часть мигрантов, хлынувших в Европу и осевших в Бельгии, происходит из франкофонного ареала африканских государств. Данное обстоятельство вкупе с политической поляризацией Фландр暹 и Валлонии оказывает определенное влияние на численность мигрантов в бельгийских регионах и темп их включения в региональные сообщества.

В настоящее время Фландр暹, кардинально трансформировавшаяся за последние полвека, заняла место Валлонии в качестве «локомотива» бельгийской экономики. Фландр暹 опережает Валлонию как по экономическим, так и по демографическим показателям, что делает ее более привлекательной для мигрантов.

¹ Саргсян Анна Закаровна – магистр по направлению «Зарубежное регионоведение», Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов; anya.sargsyan. 2000@mail.ru

Однако проживание в регионе с ярко выраженным националистическими антифранцузскими, а иногда и антимигрантскими и антимусульманскими настроениями сопряжено для франкоговорящих переселенцев со значительным дискомфортом.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с адаптацией этой группы мигрантов во Фламандском регионе. Особое внимание уделяется социально-политическим факторам, обуславливающим взгляды фламандских правых по миграционному вопросу. Помимо этого, анализируются меры по улучшению положения переселенцев, предпринимаемые региональным правительством и местными организациями. Делается вывод о том, что в настоящий момент процесс адаптации фламандских франкофонных мигрантов затруднен, но ситуация постепенно меняется в лучшую сторону.

Ключевые слова: миграция, африканские мигранты, адаптация мигрантов, франкофония, региональный конфликт, языковой конфликт, Фландрия, Валлония, Бельгия.

Проблематика исследования. Миграционный кризис, обрушившийся на европейские страны в 2015–2016 гг., стал одним из серьезных испытаний как для политического единства ЕС, так и для внутренней стабильности и социально-экономического благополучия его государств-членов. Несмотря на усилия, которые принимают политические институты Евросоюза по урегулированию этой ситуации, включая подписание новых соглашений, разработку программ помощи мигрантам и выделение дополнительного финансирования, подходы к адаптации и интеграции мигрантов в разных странах ЕС существенно отличаются друг от друга. Данное обстоятельство становится особенно очевидным при анализе статистических данных, демонстрирующих основные тенденции в распределении мигрантов по странам Евросоюза.

В этом отношении весьма показательна ситуация во франкоговорящих странах ЕС, особенно в Бельгии. С одной стороны, знание французского – в качестве второго или даже первого языка – является очевидным преимуществом для беженцев, намеревающихся жить и работать в благополучных франкофонных государствах Европы, таких как Франция, Бельгия, Швейцария, Монако или Люксембург. С другой стороны, в последнее время рост чис-

ленности мигрантов породил многочисленные проблемы в вышеупомянутых странах. В числе прочего, миграционный кризис послужил мощным импульсом для укрепления позиций правых сил, антимиграционных и антимусульманских движений в крупных франкофонных европейских государствах, что также препятствует процессу эффективной адаптации беженцев.

Несмотря на предпринимающиеся попытки решить проблему переселенцев централизованно, рассмотрение основных вопросов, связанных с миграционным кризисом, все равно ложится главным образом на плечи национальных правительств европейских государств, а они разрабатывают свою миграционную политику, ориентируясь, в первую очередь, на внутреннюю обстановку, и уже потом – на директивы евродепутатов. Во франкофонных европейских странах, принимающих у себя переселенцев (в данном случае – из франкоговорящих африканских государств), адаптация мигрантов сопряжена с рядом трудностей. Но если в лингвистически гомогенной Французской республике основные трудности связаны в основном с большой численностью переселенцев и расхождением культурных и религиозных кодов мигрантов и местных жителей, то в мультилингвальном Бельгийском королевстве к вышеупомянутым проблемам добавляется еще и проблема неравномерного расселения мигрантов по регионам.

Современная бельгийская административно-территориальная структура имеет два уровня: территориальное разделение по регионам и обусловленное лингвистическими факторами разделение по языковым сообществам [Belgique..., 2023], являющееся, в частности, следствием давних лингвистических конфликтов между двумя бельгийскими областями: Фландрей и Валлонией. В свое время это противостояние было спровоцировано доминированием французского языка и франкоговорящей элиты, не желавшей принимать во внимание требования фламандцев урегулировать языковую ситуацию и уравнять статус французского и фламандского языков. Подобная недальновидность вместе с социально-экономическим отставанием Фландрии стала причиной зарождения в регионе правых, а временами и ультраправых, нацио-

налистических и даже сепаратистских движений антифранцузской направленности [Van der Linden, Roets, 2017, p. 2].

Региональный конфликт пронизывает все сферы общественной жизни Бельгии – от диспутов между валлонскими и фландрскими партиями в высоких кабинетах до ксенофобских высказываний рядовых обывателей. Неудивительно, что проблема мигрантов лишь усугубила это противостояние. Однако следует отметить, что сегодня в экономической «гонке» между двумя регионами именно Фландром вырвалась вперед. Данное обстоятельство делает Фландию более привлекательной (по сравнению с Валлонией) для мигрантов, в том числе франкофонных выходцев из Магриба и субсахарских стран. Тем не менее ввиду долгой истории регионального конфликта, сказавшегося не лучшим образом на отношении фландрцев к франкофонам, и порожденного националистическими настроениями недоверия к цветным переселенцам, процесс адаптации франкоговорящих мигрантов во Фландре протекает крайне болезненно. Таким образом, цель данного исследования – рассмотреть проблемы, связанные с включением переселенцев из африканских франкоговорящих стран во фландрское общество в период с 2000 по 2022 г., и определить, в какой степени на этот процесс повлияла деятельность фландрских правых.

Методика исследования. В рамках данного исследования особую сложность представляет определение степени адаптации франкофонных мигрантов во Фландре. Причины этого – отсутствие четкого и общепринятого алгоритма для проведения подобного анализа, с одной стороны, и необходимость оценивать возможное влияние специфичных факторов (например, лингвистического), которые при аналогичной работе с другими группами мигрантов и / или другими регионами не являются столь же весомыми, – с другой.

В работах отечественных и зарубежных специалистов, посвященных проблемам адаптации различных групп переселенцев в разных странах (включая и внутреннюю миграцию), при проведении подобного рода анализа в первую очередь используются статистические данные, помогающие составить четкую картину, в которой отображаются не только численность каждой группы

мигрантов, но и их гендерный, возрастной, религиозный, а также национальный состав. Такие данные, особенно если есть возможность проследить динамику их изменений на определенном временном отрезке и сравнить с аналогичными показателями других групп переселенцев, дают, в числе прочего, информацию о специфике расселения представителей данной миграционной группы.

Дальнейшее исследование уровня адаптации мигрантов подразумевает рассмотрение проблемы с различных сторон. Например, О.Л. Проскурякова выделяет четыре аспекта в общей схеме адаптации мигрантов: правовой, социально-экономический, социокультурный и социально-психологический [Проскурякова, 2007, с. 60]. Но следует отметить, что исследование Проскуряковой касается специфики адаптации мигрантов только в одной стране – России; поэтому представленная схема не является универсальной и при необходимости может быть дополнена рядом параметров.

Более глубокий анализ факторов, определяющих процесс социальной адаптации мигрантов, представлен в работе М.А. Ворониной. Она выделяет две группы исходных параметров – «внешние» (характеризующие регион расселения мигрантов) и «внутренние» (характеризующие самих переселенцев), а затем распределяет элементы успешной адаптации по условной шкале, классифицируя их по семи факторам: материальному, самосохранению, регулятивному, сексуальному, коммуникативному, когнитивному и самореализации [Воронина, 2010, с. 151].

В рамках такого подхода анализ внутренних факторов проводится после проведения исследователем собственного социологического опроса в процессе общения с мигрантами-респондентами. В настоящей работе будут использованы актуальные результаты социологических опросов и исследований фламандских специалистов, изучающих проблемы социокультурной и психологической включенности мигрантов во фламандское сообщество. Для исследования внешних факторов, указывающих на адаптивность среды, используется статистическая информация по численности и плотности расселения франкофонных мигрантов по фламандским коммунам, отмечаются особенности миграцион-

ной политики во Фламандском регионе, анализируются взгляды местных правых элит на проблему миграции, а также учитывается наличие местных организаций, заботящихся о повышении социальной включенности переселенцев. Но в то же время не стоит забывать и о лингвистическом факторе, влияющем как на социально-политическую обстановку во Фландрии, так и на возможности региона принять лингвистически антипатичные миграционные группы.

Формирование мигрантской общины в Бельгии

Общины африканских мигрантов в Бельгии появились примерно в конце XIX в. Они пережили несколько существенных трансформаций, связанных с мировыми войнами, обретением независимости африканскими колониями, а также с ускорением и замедлением роста бельгийской экономики. Первые мигранты были вынужденными переселенцами (преимущественно из Субсахарского региона), которых привезли в Бельгию для участия во Всемирных выставках, затем их ряды пополнили студенты, гастарбайтеры, а также политические мигранты и просители убежища, покинувшие Африку из-за гражданских войн на этом континенте. Примечательно, что поначалу государство успешноправлялось с адаптацией переселенцев. Но ухудшение внутриэкономической ситуации, углубление регионального и лингвистического раскола (примерно с начала 1970-х годов), а также все увеличивающийся наплыв новых мигрантов усугубили сложившуюся ситуацию, что отразилось и на положении дел в современной африканской диаспоре в бельгийских регионах.

Для получения ясного представления о положении франкофонных мигрантов во Фландрии необходимо оценить их примерную численность в регионе. В данном случае нельзя просто привести статистические данные о доле франкофонов во Фламандском регионе, поскольку в их число входят региональные (внутренние) переселенцы, т.е. брюссельцы и валлоны, проживающие на территории Фландрии. Согласно отчету Валлонского института оценки, прогнозирования и статистики (*fr. L'Institut wallon de l'évaluation, de la prospective et de la statistique, IWEPS*), по

статистическим данным за 1997–2017 гг., поток переселенцев из Валлонии во Фландию существенно вырос в период с 2012 по 2017 г. и составил почти 10 000 человек в год [Les migrations..., 2019, р. 57]. Данное наблюдение очень важно, поскольку на протяжении долгого времени количество фламандцев в Валлонии всегда превышало число валлонов во Фландрии. Больше всего валлонов переселилось в коммуны, располагающиеся на региональной (лингвистической) границе Фландрии, а также в коммуны на побережье Северного моря, – Де-Панне и Коксейде (в первую очередь из-за близости к Франции) [ibid., р. 61].

Совпадают ли ареалы проживания валлонов и франкофонных мигрантов? Как отмечает бельгийское издание «Moustique», преимущественно франкоговорящие коммуны во Фландрии в 2021 г. располагались на территории вокруг Брюсселя (так называемая «брюссельская периферия») и вдоль лингвистической границы. Однако сравнение этих областей показывает, что большую часть в сообществе фламандских франкофонов все-таки составляют именно валлоны, а не мигранты из франкоговорящих стран [Dupont, 2021].

Означает ли это, что франкоговорящие мигранты вообще не проживают во Фландрии? Согласно отчету Бельгийского федерального миграционного центра «Myria» за 2021 г., в период с 2010 по 2020 г. доля выходцев из государств Магриба (Марокко, Алжир, Тунис) и субсахарских стран (Камерун, ДР Конго, Сенегал, Мали, Кот-д'Ивуар), самых многочисленных франкоговорящих государств в мире (после Франции), в общем миграционном потоке в Бельгию немного сократилась. После миграционного «бума» середины 2010-х годов, когда численность африканских переселенцев достигала 14 000 чел. в год, этот показатель снизился и к 2021 г. составил 9 000 чел. в год [Population et mouvements..., 2021]. К сожалению, в отчете «Myria» за 2021 г. нет сведений о региональном распределении мигрантов в пределах Бельгии. Однако отчет за 2017 г. показывает, что на тот момент из общего числа иностранных резидентов (1 327 776 чел.) на мигрантов из субсахарских стран приходилось 6% (т.е. примерно 80 000 чел.) [Population de nationalité..., 2018]. В том же году, по опубликованным данным,

больше всего выходцев из субсахарских стран проживали в Брюсселе (39,7% от их общего числа), меньше – в Валлонии (31,1%), а во Фландрии – лишь 29,2% [Burgers..., 2017, p. 39]. Опираясь на эти данные, можно предположить, что сегодня численность субсахарских франкофонных мигрантов во Фландрии составляет примерно 25 000–30 000 чел. Принимая во внимание также ориентировочные данные о численности фламандских франкофонов (400 000–450 000 чел.) [367 000 francophones..., 2019], можно подсчитать, что доля мигрантов из субсахарских франкоговорящих стран среди них не превышает 10%, а среди всех иностранцев во Фландрии – 5%.

Ситуация с мигрантами из Магриба еще сложнее, поскольку нет официально подтвержденной информации ни об их численности, ни об их языковой принадлежности. По разным оценкам, на территории Бельгии могут проживать до 100 000 марокканцев [Migratie..., 2016], до 50 000 алжирцев [Population de nationalité..., 2018], до 30 000 тунисцев [Présences..., 2021]. Известно, что в настоящее время во Фландрии проживают около 30 000 марокканцев [Population by nationality..., 2022]. Поскольку больше всего выходцев из Магриба (как и переселенцев из Субсахарского региона) живут в Брюсселе [Rubin, 2022 ; Sub-Saharaanse..., 2016], можно заключить, что во Фландрии проживают не более 30% от общего количества магрибских переселенцев в Бельгии. Однако судить об их принадлежности к франкофонному сообществу достаточно сложно: с одной стороны, многие североафриканские мигранты, поселившиеся во Фламандском регионе, говорят на берберских языках или на арабском (особенно это касается лиц старшего поколения), с другой – во Фландрии проживают и фламандоговорящие магрибы, особенно марокканцы (хотя зачастую это лица, родившиеся во Фландрии (или хотя бы в Бельгии) в семьях, где один или оба родителя были мигрантами, и имеющие бельгийское гражданство).

За последние 20 лет доля выходцев из Магриба от общего числа мигрантов во Фландрии уменьшилась приблизительно на 30% [Population by nationality..., 2022], а доля мигрантов из субсахарского региона возросла примерно на 2,5% (2,4% в 2000 г. и около 5% в 2022 г.) [Kagné, Martinello, 2001, p. 15 ; Population by nationality..., 2022]. Сокращение числа (преимущественно) марок-

канских мигрантов во Фландрии (и во всей Бельгии) можно объяснить тем, что в начале 2000-х годов, после принятия закона об облегчении получения гражданства иностранными резидентами (так называемый закон «snel-Belg wet»), для мигрантов процесс натурализации существенно упростился. По этому закону многие мигранты (в частности, марокканцы) получили право на ускоренное получение бельгийского гражданства по очень гибкой системе. И хотя в последнее время процедура получения бельгийского гражданства вновь усложнилась, марокканцы по-прежнему занимают одно из первых мест в списках натурализовавшихся лиц, притом, что уроженцев субсахарских стран в этих списках, как правило, очень мало [NOMBRE record..., 2020]. Это наглядно демонстрирует разницу в уровне адаптации магрибских мигрантов (в первую очередь, марокканцев) и мигрантов из субсахарских стран к жизни во Фламандском регионе.

Правые партии Фландрии и проблема миграции

Особое значение для успешной адаптации мигрантов имеет социально-политический настрой в регионе их проживания. Рост численности переселенцев в европейских странах привел к увеличению популярности правых партий и организаций. Что же касается Бельгии, то здесь нет единой партии или организации, объединяющей всех бельгийских правых. Региональный (лингвистический) раскол отражается и в политической поляризации региональных партий, и в электоральном поведении населения регионов. Особенно это заметно по результатам парламентских выборов, на которых во Фландрии традиционно побеждают правые националисты, а в Валлонии – социалисты и либералы.

Главные «локомотивы» правых на территории Бельгии – это партии «Новый фламандский альянс» (НФА) и «Фламандский интерес» (ФИ). Однако – и это обстоятельство следует особо отметить в рамках данного исследования – учитывая специфику бельгийской политической системы, лучше называть эти партии не бельгийскими, а именно фламандскими, так как, несмотря на свое значительное влияние в Палате представителей Бельгии, они являются сугубо региональными организациями, подают списки

кандидатов на выборы только во фланандские коммуны, где и проводят свои предвыборные кампании (а также в Брюсселе, но там они обычно набирают недостаточное количество голосов).

Для партии «Фламандский интерес» (до 2004 г. – «Фламандский блок») характерна чрезвычайно радикальная риторика по отношению к мигрантам. С момента своей регистрации в качестве независимой партии (1979), ФИ рассматривает проблему переселенцев как один из основных пунктов своей политической повестки. В 1980–2000-е годы члены партии не раз выступали с заявлениями в расистском духе, утверждая, что приезжие мусульмане (в частности, турки и марокканцы) являются «непосредственной угрозой для целостности фламандской идентичности». Например, свою предвыборную кампанию в 1987 г. партия проводила под лозунгом «*Eigen volk eerst!*» (нидерл. «Наши люди – главное!») – прямая ссылка к названию книги «*Les Français d'abord*» (фр. «Французы – главное»), написанной лидером французской ультраправой партии «Национальный фронт» (НФ) Жаном-Мари Ле Пеном в 1984 г. Броские лозунги и шокирующие выступления помогли «Фламандскому блоку» набрать популярность и заручиться довольно широкой поддержкой избирателей. Другие партии, почувствовав, что их позиции находятся под угрозой, в 1989 г. скооперировались и подписали особое соглашение (так называемый «Санитарный кордон»), запрещавшее вступать в коалицию с фламандскими националистами, чтобы далее не политизировать миграционный вопрос [Mudde, 2002, р. 88]. Примечательно, что члены «Фламандского блока» еще долго черпали вдохновение у «лебеновцев», но в конце концов это нанесло имиджу партии огромный урон.

В 2001 г. Центр за равные возможности и борьбу с расизмом «*Unia*» (нидерл. *Unia Interfederaal Gelijkekansencentrum*) и нидерландоязычная Лига прав человека (нидерл. *Liga voor Mensenrechten*) обратились в суд с жалобой по поводу разработанной в 1992 г. программы «Фламандского блока» под названием «70 предложений по решению проблемы с приезжими», которая во многом перекликалась с опубликованной чуть ранее в еженедельнике «*National-Hebdo*» (партийном издании НФ) программой «50 предложений по решению проблемы миграции во Франции» [Coffé, 2005, р. 209].

Составителями программы «70 предложений» были Джерольд Аннеманс и Филип Девинтер¹. Среди «70 предложений» были предусмотрены меры по созданию отдельной системы образования для детей иностранцев, специальный налог для работодателей, принимающих на работу иностранцев неевропейского происхождения, ограничение выдачи пособий по безработице и детских пособий иностранцам-неевропейцам. По итогам судебного разбирательства апелляционный суд Гента в 2004 г. признал «Фламандский блок» организацией, поддерживающей дискриминацию и расизм. Партия потеряла доступ к государственному финансированию, утратила возможность выступать по телевидению, фактически это означало ее закрытие. В декабре 2004 г. «Фламандский блок» объявил о самороспуске и был реорганизован в партию «Фламандский интерес», которая попыталась дистанцироваться от расистского образа ФБ. Из программы партии были исключены самые спорные пункты, касающиеся миграционных вопросов, но стоит подчеркнуть, что «Санитарный кордон», блокирующий возможности других партий по созданию политической коалиции с фламандскими ультраправыми, до сих пор фактически остается в силе.

В своей нынешней партийной программе ФИ провозглашает курс на «нулевую миграцию»: полное закрытие границ для мигрантов и прекращение действия программ воссоединения семей переселенцев. Последователи ФИ также резко критикуют поддерживаемую официальными властями политику терпимости и в ответ продвигают антимусульманскую повестку. Тем не менее лидеры ФИ понимают, что такие меры все равно не позволяют полностью разрешить миграционный кризис и потому выступают также за то, чтобы перенаправить финансовую помощь, выделяемую на адаптацию мигрантов, тем странам, откуда в Европу идут самые крупные миграционные потоки. Что же касается уже прибывших переселенцев, ФИ настаивает, что мигранты обязаны в

¹ Ф. Девинтер известен своими резкими высказываниями в адрес приехавших в Европу мусульман. Он отправлял действия фламандских коллаборационистов, посещал мероприятия, посвященные памяти солдат вермахта, погибших в годы Второй мировой войны. В настоящее время является одним из лидеров «Фламандского интереса».

совершенстве освоить фламандский язык, знать местное законодательство и разделять местные культурные ценности: «Адаптироваться должно не наше общество, а мигрант!» [Eerst onze..., 2019].

В отличие от фламандских ультраправых, партия «Новый фламандский альянс» (НФА) не ставит вопросы миграции в центр своей политической повестки. Позиция НФА более прагматична: въезд переселенцев можно разрешать (в ограниченных пределах) до тех пор, пока это способствует улучшению социально-экономической ситуации в стране и регионе. НФА наглядно продемонстрировал свой рационализм в 2018 г., во время дебатов о подписании Бельгией Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ). Представители НФА (в первую очередь, министр по делам миграции Тео Франкен) не поддержали намерение остальных партий – фламандских и валлонских либералов, а также фламандских христианских демократов – подписать ГДМ. Во многом данное решение было обусловлено тем, что ГДМ, по сути, расширял права мигрантов и ограничивал возможности государств по решению спорных вопросов в области миграции в нарушение национального государственного суверенитета [Cerulus, 2018]. С целью обойти несогласие НФА – основного фламандского актора в правительстве – премьер-министр Бельгии Шарль Мишель инициировал голосование по подписанию документа в парламенте, где его поддержало большинство депутатов (106 против 36). Но в конечном итоге такой «маневр» стал причиной правительственного кризиса, поскольку все члены НФА в кабинете министров подали в отставку [Schultheis, Calamur, 2018].

Как утверждают представители НФА, их партия придерживается гуманной, но строгой политики в отношении мигрантов [Cochez, Vanden Bussche, 2019]. Обязательными требованиями для получения бельгийского гражданства и включения во фламандское сообщество НФА, как и ФИ, считает знание фламандского языка и принятие фламандских ценностей. Однако, в отличие от ФИ, НФА поддерживает идею экономической миграции. По мнению представителей НФА, высококвалифицированные мигранты не должны становиться жертвами дискриминации, а должны быстро и беспроблемно влияться во фламандское общество и ры-

нок труда. Тем не менее за правительством должно оставаться право решать, специалистов какой отрасли следует включать во фламандский социум в первую очередь. В вопросе нелегальной миграции НФА полностью солидарна с ФИ: любые лица, которые пересекли бельгийскую границу нелегально, должны быть депортированы и пожизненно лишены права на получение бельгийского гражданства [Asiel..., 2019].

Попытки (хотя и довольно слабые) продвигать правую повестку наблюдаются и во франкофонном сегменте бельгийского политикума [Escalona, 2022]. В настоящее время во франкоговорящем сообществе Бельгии единственной правой силой, активно критикующей проводимую в стране миграционную политику и требующей ее уже-стечения, является партия «Народные правые» [Notre manifeste..., 2019]. Это сравнительно молодая и довольно малочисленная партия, основанная последователями другой правой валлонской организации – «Народной партии», которая, хоть и функционировала в течение десяти лет (2009–2019), неизменно показывала очень низкие результаты на выборах и была непопулярна у валлонского избирателя.

Проблемы интеграции

Насколько благоприятна и открыта социальная среда Фландрии для ассимиляции африканских франкофонных мигрантов? Несмотря на то, что за последние 20 лет в адаптации североафриканских переселенцев произошли весьма позитивные сдвиги, нельзя утверждать, что фламандское общество радушно принимает франкоговорящих мигрантов (как и остальных африканских мигрантов), – по крайней мере, если сравнить ситуацию во Фландрии с положением дел в других бельгийских регионах.

Разумеется, во Фландрии большое значение имеет языковой фактор: франкофонные мигранты охотнее будут селиться во франкофонных коммунах или, по крайней мере, в двуязычных областях, например, в Брюсселе. Однако, как отмечают исследователи из Брюссельского свободного университета, во Фландрии действует более строгая политика в отношении мигрантов – к ним предъявляется больше требований при приеме на работу, при выплате социальных пособий, при съеме жилья. В частности, они

должны владеть фламандским языком, что является серьезной проблемой для многих переселенцев. Поэтому в мигрантской среде долгое время было распространено мнение, что Валлония и Брюссель более благоприятны для проживания уроженцев неевропейских стран [Adam, Torrekens, 2015, p. 14].

Такая концепция, хотя и имеет своих противников, тем не менее хорошо объясняет противоречивые тенденции во фламандском миграционном дискурсе. Вдобавок – и это достаточно важно с точки зрения политico-психологического подхода – брюссельские специалисты отмечают различие в восприятии региональной идентичности у мигрантов: в то время как в Брюсселе и даже в Валлонии переселенцы со временем начинают ощущать себя частью Бельгии, – вследствие более «открытой», «республиканской» идентичности этих регионов, – то во Фландрии, где превалирует «закрытый» тип региональной идентичности, мигранты обычно сохраняют свою «самобытность» и «связь с корнями» [ibid., p. 176–177].

Этому способствует и политика местных властей, решения которых по миграционным вопросам часто становятся поводом для дискусий. Показательным примером является, в частности, прекращение участия Фландрии в работе упоминавшегося выше Центра за равные возможности и борьбу с расизмом «Unia», межрегиональной бельгийской институции. До недавнего времени Центр «Unia» сотрудничал со всеми тремя регионами Бельгии, проводя мониторинг соблюдения политики нулевой дискриминации в стране. Но после того, как сформированное в 2019 г. фламандское региональное правительство приступило к работе, его представители (главным образом, члены НФА) выразили желание прекратить сотрудничество с Центром «Unia» и создать собственный фламандский институт по правам человека, «компетентный по всем проблемным вопросам», что и было сделано в марте 2023 г. [Schillewaert, 2022]. А в 2021 г. фламандское правительство внесло существенные изменения в программу адаптации мигрантов: отныне желающие пройти интеграционный экзамен должны внести взнос в размере 360 евро (притом, что во всех остальных бельгийских регионах этот экзамен бесплатный), а тех, кто не сдал экзамен, ожидают определенные сложности при повторной попытке [Minders, 2021].

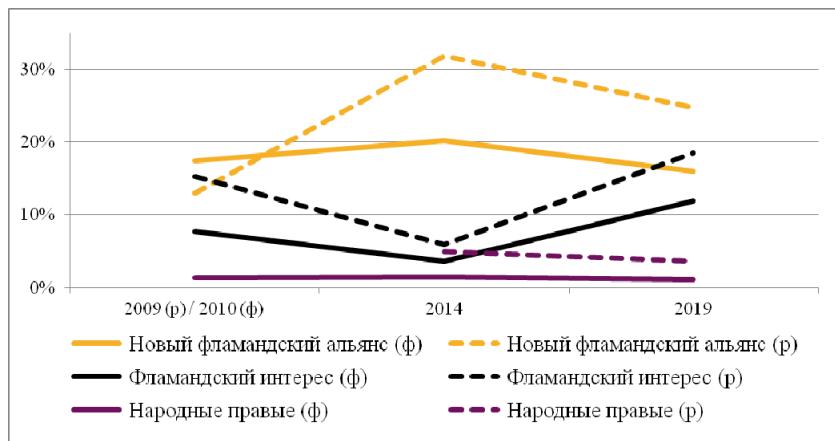
Таблица 1 и построенный на ее основе график 1 наглядно показывают, что в настоящее время фламандские националисты имеют значительную избирательную поддержку. И хотя «Санитарный кордон» негласно продолжает действовать, некоторые специалисты предполагают, что радикализм вышеуказанных решений фламандского правительства по вопросам региональной миграционной политики во многом объясняется возросшим влиянием ультраправой партии «Фламандский интерес» во Фламандском парламенте после выборов 2019 г.

Таблица 1

**Результаты правых партий Бельгии на федеральных
и региональных выборах (2009–2019)**

Партия	Федеральный избирательный уровень			Региональный избирательный уровень		
	2010	2014	2019	2009	2014	2019
Новый фламандский альянс	17,40%	20,26%	16,03%	13,06%	31,88%	24,83%
Фламандский интерес	7,76%	3,67%	11,95%	15,28%	5,92%	18,50%
Народные правые	1,30%	1,51%	1,11%	–	4,98%	3,67%

Источник: [Verkiezingsuitslagen..., 2019].

Источник: построено автором на основании данных таблицы 1.

**График 1. Динамика результатов правых партий Бельгии
на федеральных (ф) и региональных (р) выборах (2009–2019)**

Политика интеграции

Тем не менее, несмотря на сохранение позиций НФА в региональных и федеральных правительственные структурах и рост популярности ФИ, решение внутренних вопросов, в том числе связанных с госуправлением и проблемами интеграции мигрантов, в настоящее время доверено либеральному крылу бельгийского политикума, которое неизменно «смягчает» непреклонные требования правых сил. Так, например, в 2021 г. министр внутренних дел Фламандского региона Барт Сомерс, представитель партии «Открытые фламандские либералы и демократы», запустил план «Samenleven» (нидерл. «Живем вместе»), призванный обеспечить более активную интеграцию мигрантов во фламандское сообщество [Lemonier, 2022]. Этот проект направлен на создание благоприятных условий для адаптации мигрантов, – в первую очередь, через освоение фламандского языка и повышение социальной включенности [Debruyne, Grymonprez, 2021]. План «Samenleven» включает семь задач и 24 конкретных шага, выполнение которых поможет в полной мере реализовать потенциал предложенного проекта. Расходы по реализации плана полностью взяло на себя фламандское правительство, выделив без малого 14,1 млн евро, причем на расходы по обеспечению лингвистической интеграции мигрантов (наиболее затратная статья) пришлось примерно 3,4 млн евро [Plan Samenleven..., 2022].

Кроме того, во Фландре есть многочисленные местные организации, занимающиеся поддержкой этнических, культурных и языковых меньшинств: SANKAA (Общественно-культурное объединение африканских мигрантов), Vzw AIF+ (Активная межкультурная федерация), IC (Международный комитет (мультикультурная ассоциация)), FORA (Африканский форум художников), VOEM (Ассоциация по поддержке мусульманской общины), FZO-VL (Федерация межкультурных организаций Фландрии) и др. Особое место среди них занимает Ассоциация за продвижение франкофонии во Фландре (*фр.* Association pour la Promotion de la Francophonie en Flandre, APFF), выступающая в качестве представителя всех франкоязычных жителей Фландрии. Данное объединение отстаивает их право на организацию собственной культур-

ной жизни и получение помощи в этой области, стремится привлечь внимание фламандской общественности к проблеме так называемого «культурного выживания», с которой сталкиваются все франкоязычные жители Фландрии, а также ведет активную деятельность по поддержанию языковой независимости фламандских франкофонов, в том числе устраивает встречи, тематические вечера, праздники в различных фламандских коммунах и публикует собственный франкоязычный журнал «*Nouvelle de Flandre*».

В настоящее время региональное противостояние между Фландр暹 и Валлонией несомненно оказывает значительное влияние на внутреннюю обстановку в Бельгии. Политическая поляризация, неравное экономическое положение регионов, неприязнь на лингвистической почве – все это привело к ослаблению Бельгии как целостного европейского государства, способного быстро мобилизовывать свои ресурсы и силы, чтобы эффективно справляться с внешними вызовами. Миграционный кризис отчетливо показал, что сохранение лингвистической границы и чрезмерного уровня децентрализации в стране имеет свои изъяны, поскольку неизбежно ведет к возникновению нескольких региональных центров, имеющих собственные представления о предпочтительных способах устранения внешних угроз, зачастую противоположные как мнениям других регионов, так и установкам федерального центра.

Примечательно, что развитие ситуации в Бельгии в точности повторяет процессы, связанные с разрешением миграционного кризиса в масштабе всего Евросоюза: как было сказано выше, уровень принятия и адаптации переселенцев из стран Африки и Ближнего Востока в ЕС тоже существенно различается в зависимости от страны. Конфликт Фландр暹 и Валлонии – очевидный пример того, насколько могут различаться регионы не только по своим подходам и принципам в области миграционной политики, но и по своему социально-политическому и культурному потенциалу, по своей готовности предоставить уже переселившимся людям возможность стать частью регионального сообщества.

По сути, фламандские франкофонные мигранты – это «меньшинство в меньшинстве»: у них не только иная лингвисти-

ческая принадлежность, но и отличающийся от бельгийцев этнический, культурный, а иногда и религиозный бэкграунд. Согласно статистическим данным, доля различных групп франкофонных мигрантов среди всех иностранцев, живущих во Фландрии, меняется крайне неравномерно: одних становится меньше, а численность других увеличивается достаточно медленно (по сравнению с остальными бельгийскими регионами). Поэтому можно сделать вывод, что в целом процесс адаптации этой специфичной группы переселенцев во Фландрии весьма затруднен. Причинами этого являются не только вышеописанные различия между данной группой и местными жителями, но и строгая миграционная политика Фландрии, а также некоторые особенности ее региональной идентичности, в частности ее «закрытость».

Помимо прочего, успешной адаптации приезжих из стран Африки и Ближнего Востока препятствует и противодействие фламандских правых партий, имеющих достаточную избирательную поддержку, чтобы влиять на решения местных властей. При этом уровень скептицизма по отношению к мигрантам и беженцам у разных фламандских правых партий разнится в широких пределах: в то время как одни яростно выступают за полное закрытие границ и отмену всех видов финансовой и социальной поддержки мигрантов, другие склонны оценивать ситуацию pragmatically, полагая, что «умеренная» миграция может принести определенную пользу для экономики страны.

В любом случае, необходимо подчеркнуть, что проблема адаптации переселенцев, уже прибывших во Фландрию, стоит очень остро. В связи с этим принимающиеся местным правительством меры по улучшению интеграции мигрантов во фламандское общество – особенно план «Samenleven» – демонстрируют, что власти намерены изменить существующую неблагоприятную ситуацию к лучшему и облегчить положение приезжих. С момента запуска данного плана прошло не так много времени, и пока рано судить об успехе его реализации, но во Фландрии уже работает ряд местных организаций, поддерживающих различные этнические, культурные и языковые меньшинства и содействующих их адаптации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Воронина М.А. (2010). Процесс социальной адаптации мигрантов в Дальневосточном субъекте Российской Федерации (на примере Еврейской автономной области) // Современная наука. – Москва. – № 3. – С. 149–154 [Voronina M.A. (2010). The process of social adaptation of migrants in the Far Eastern Region of the Russian Federation (on the example of the Jewish Autonomous Region) [Процесс социальной адаптации мигрантов в Дальневосточном субъекте Российской Федерации (на примере Еврейской автономной области)] // Modern Science. – Moscow. – N 3. – P. 149–154] (In Russian).

Проскурякова О.Л. (2007). Адаптация мигрантов как социальный процесс // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург. – № 4. – С. 58–63 [Proskuryakova O.L. (2007). Adaptation of migrants as a social process [Адаптация мигрантов как социальный процесс] // Bulletin of the Orenburg State Univ. – Orenburg. – N 4. – P. 58–63] (In Russian).

367.000 francophones vivent en Flandre. (2019) // DH Les Sports+. – Brussels. – 20.12. – URL: <https://www.dhnet.be/actu/belgique/2019/12/20/367000-francophones-vivent-en-flandre-HDUFWP3KRAINAO52NAY3ZMPN4> (date of access: 02.09.2023).

Adam I., Torrekens C. (2015). Marokkaanse en Turkse Belgen : een (zelf)portret van onze medeburgers. – Brussels : Koning Boudewijnstichting. – 218 p.

Asiel en migratie. (2019) / Nieuw-Vlaamse Alliantie. – Brussels. – URL: <https://www.n-vla.be/standpunten/asiel-en-migratie> (date of access: 02.09.2023).

Belgique : Constitution du 17 février 1994. (2023) // Digithèque MJP. – Brussels. – URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/be1994.htm> (date of access: 02.09.2023).

Burgers met Afrikaanse roots : een portret van Congolese, Rwandese en Burundese Belgen. (2017) / Demart S., Schoumaker B., Godin M., Adam I. – Brussels : Koning Boudewijnstichting. – 222 p.

Cerulus L. (2018). The man who broke Belgium's government // Politico. – Arlington County, VA. – 12.12. – URL: <https://www.politico.eu/article/theo-frankenthe-man-who-broke-belgium-government> (date of access: 02.09.2023).

Cochez T., Van den Bussche S. (2019). Migrations : l'obsession du nord // Médor. – Namur. – 27.02. – URL: <https://medor.coop/magazines/medor-14-summer-2019/migrations-lobsession-du-nord/?full=1> (date of access: 02.09.2023).

Coffé H. (2005). The adaptation of the extreme right's discourse : the case of the Vlaams Blok // Ethical perspectives. – Leuven. – Vol. 12, Issue 2. – P. 205–230.

Debruyne P., Grymonprez H. (2021). Het «plan Samenleven» van minister Somers : pièce de résistance? Of continuïteit? // Apache. – Antwerpen. –

22.10. – URL: <https://www.apache.be/2021/10/22/plan-samenleven-van-minister-somers-piece-resistance-continuiteit> (date of access: 02.09.2023).

Dupont K. (2021). Les francophones de plus en plus nombreux en Flandre? // Moustique. – Brussels. – 15.10. – URL: <https://www.moustique.be/actu/belgique/2021/10/15/les-francophones-de-plus-en-plus-nombreux-en-flandre-213301> (date of access: 02.09.2023).

Erst onze mensen : verkiezingsprogramma. (2019) / Vlaams Belang. – Brussels. – 100 p. – URL: <https://www.vlaamsbelang.org/sites/default/files/2022-08/programma2019.pdf> (date of access: 02.09.2023).

Escalona F. (2022). Chez nos voisins wallons, l'extrême droite n'a jamais décollé // Mediapart. – Paris. – 09.10. – URL: <https://www.mediapart.fr/journal/international/091022/chez-nos-voisins-wallons-l-extreme-droite-n-jamais-decolle> (date of access: 02.09.2023).

Kagné B., Martinello M. (2001). L'immigration subsaharienne en Belgique // Courrier hebdomadaire du CRISP. – Brussels. – Vol. 16, Issue 1721. – P. 5-49.

Lemonier L. (2022). Belgique : un plan «Vivre ensemble» pour intégrer la diversité dans la société flamande // SaphirNews. – Saint-Denis. – 26.10. – URL: https://www.saphirnews.com/Belgique-un-plan-Vivre-ensemble-pour-integrer-la-diversite-dans-la-societe-flamande_a29207.html (date of access: 02.09.2023).

Les migrations interrégionales en Belgique : Rapport de recherche IWEPS. (2019) / Charlier J., Debuisson M., Hermia J.-P., Pelfrene E. ; IWEPS. – Namur. – 128 p.

Migratie in cijfers en in rechten. (2016) / Myria – Centre fédéral migration. – Brussels. – 256 p. – URL: https://www.myria.be/files/MIGRA16_NL_AS-NEW.pdf (date of access: 02.09.2023).

Minders J. (2021). Belgium : major changes to Flanders' integration programmes / European Commission. – Brussels. – 01.07. – URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/belgium-major-changes-flanders-integration-programmes_en (date of access: 02.09.2023).

Mudde C. (2002). The ideology of the extreme right. – Manchester : Manchester Univ. Press. – 212 p.

Nombre record de naturalisations belges en 2019. (2020) // L'Avenir. – Namur. – 05.03. – URL: <https://www.lavenir.net/actu/belgique/2020/03/05/nombre-record-de-naturalisations-belges-en-2019-7YZ7CJDSMZC7XGBFQDEX6WAZLI> (date of access: 02.09.2023).

Notre manifeste : l'avenir, il ne faut pas le prévoir; mais le permettre. (2019) / Droite Populaire. – Brussels. – URL: <https://droitepopulaire.be/programme/notre-manifeste> (date of access: 02.09.2023).

Plan Samenleven : overzicht. (2022) / Vlaanderens. - Brussels. - URL: <https://www.vlaanderen.be/plan-samenleven> (date of access: 02.09.2023).

Population by nationality : overview. (2022) // Statistics Flanders. - Brussels. - URL: <https://www.vlaanderen.be/en/statistics-flanders/population/population-by-nationality> (date of access: 02.09.2023).

Population de nationalité étrangère et d'origine étrangère (stocks), au 1er janvier 2017. (2018) / Myria - Centre fédéral migration. - Brussels. - 6 p. - URL: <https://www.myria.be/files/FR2018-2.pdf> (date of access: 02.09.2023).

Population et mouvements : la migration en chiffres et en droits. (2021) / Myria - Centre fédéral migration. - Brussels. - 12 p. - URL: https://www.myria.be/files/2021_Population_et_mouvements.pdf (date of access: 02.09.2023).

Présences Tunisiennes en Belgique, 50 ans d'histoire de l'immigration. (2021) // Grand Curtius. - Brussels. - URL: <https://www.grandcurtius.be/fr/actualites/exposition/presences-tunisiennes-en-belgique-50-ans-dhistoire-de-limmigration> (date of access: 02.09.2023).

Rubin L. (2022). Histoire de l'immigration Marocaine // Echos Bruxelles laïque. - Brussels. - URL: <https://echoslaiques.info/histoire-immigration-marocaine-en-belgique> (date of access: 02.09.2023).

Schillewaert N. (2022). Vlaanderen stapt in maart 2023 uit Unia, Somers : «Ambitie is nieuw instituut bevoegd voor alle mensenrechten» // VRT NWS. - Brussels. - 01.07. - URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2022/07/01/vlaanderen-stapt-uit-unia> (date of access: 02.09.2023).

Schultheis E., Calamur K. (2018). A nonbinding Migration Pact is roiling politics in Europe // The Atlantic. - Washington, D.C. - 11.12. - URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/12/un-global-migration-compact-germany-europe/577840> (date of access: 02.09.2023).

Sub-Saharaanse inwoners in Brussel. (2016) / Kenniscentrum WWZ. - Brussels. - URL: <https://www.kenniscentrumwwz.be/sub-saharaanse-inwoners-brussel> (date of access: 02.09.2023).

Van der Linden N., Roets A. (2017). Insights into the Belgian linguistic conflict from a (social) psychological perspective // Psychologica Belgica. - London. - Vol. 57, Issue 3. - P. 1-12.

Verkiezingsuitslagen : zoek verkiezing. (2019) // Verkiezingsresultaten. - Brussels. - URL: <https://verkiezingsresultaten.belgium.be/nl> (date of access: 02.09.2023).

© Sargsian A.Z.¹

Flemish right-wing forces and the problem of the adaptation of French-speaking migrants in Flanders

Abstract. The administrative structure of modern Belgium was formed largely under the influence of a linguistic factor, clearly expressed in the conflict between French-speaking Wallonia and Flemish-speaking Flanders. The confrontation between these two regions has left a deep imprint on the political structure and the federal system of the country. The problems associated with migration were superimposed on the existing linguistic and ethnic contradictions between Flanders and Wallonia. Some of the migrants who flooded into Europe and settled in Belgium originate from the French-speaking area of African states. This circumstance, along with the peculiarities of the political polarization of Flanders and Wallonia, partly determines the number of migrants in the Belgian regions and the dynamics of their social integration.

At present, Flanders, which has radically transformed over the past half century, has taken the place of Wallonia as the «engine» of the Belgian economy. Flanders is ahead of Wallonia in both economic and demographic terms, which makes it more attractive to migrants. However, living in a region with pronounced nationalist anti-French and sometimes anti-migrant and anti-Muslim sentiments is associated with considerable discomfort for French-speaking immigrants.

The article deals with issues related to the adaptation of French-speaking migrants in the Flemish region. Particular attention is paid to the socio-political factors that determine the views of the Flemish right on migration issues. In addition, measures taken by the regional government and local organizations to improve the situation are analyzed. It is concluded that at the moment the process of adaptation of French-speaking migrants in Flanders is complicated, but the situation is gradually changing and there are some positive trends.

¹ Sargsian Anna Zakarovna – graduate student of the Regional Studies Department, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia; anya.sargsyan. 2000@mail.ru

Keywords: *migration, African migrants, migrant adaptation, franco-phonie, regional conflict, language conflict, Flanders, Wallonia, Belgium.*

Статья поступила в редакцию (Received) 06.07.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 10.07.2023
Принята к публикации (Accepted) 13.07.2023